Пятая жертва

Автор:
Наталья Никольская

Пятая жертва

Наталья Никольская

Валандра #5

Маньяк систематично убивает людей, оставляя на месте преступления загадочный след. Что он означает и кому адресован? Можно ли прервать жуткий круг преступлений? Конечно, если за дело берется глава службы безопасности фирмы «Кайзер» Валентина Вершинина.

Наталья Никольская

Пятая жертва

ГЛАВА ПЕРВАЯ

* * *

Валера Толкушкин повернулся на дерматиновом диване и посмотрел на часы, висевшие над пультом. «Четвертый час. Похоже, сегодняшнее дежурство будет спокойным», – подумал он и сел, опершись руками о стол. Он пододвинул к себе пачку сигарет, закурил и посмотрел на свое искаженное отражение в натертом до блеска боку электросамовара.

На другом таком же диване дремал Маркелов. Валера посмотрел на него. В это время на пульте замигала красная лампа, и помещение дежурки наполнилось резким пульсирующим звуком. «Ну вот, сглазил», – подумал Толкушкин, быстро сунул ноги в кроссовки и, подбежав к пульту, открыл регистрационный журнал.

– Вадик, – повернув голову, крикнул он Маркелову, – подъем.

– Не глухой, слышу, – отозвался Маркелов, опуская ноги на пол, и поморщился, – да выключи ты эту сирену.

Толкушкин щелкнул тумблером на панели пульта, и в комнате воцарилась тишина.

– Далеко ехать? – Маркелов подошел и тоже склонился над журналом.

– Да нет, рядом совсем – на Шевченко. Трауберг Маргарита Львовна.

– Я буду ждать в машине, – Вадик повернулся и пошел к выходу.

– Я уже иду, – Валера сделал в журнале последние отметки и тронулся следом.

Серая майская ночь встретила их прохладой и сыростью. Как говорили синоптики, такого холодного мая не было с тысяча девятьсот восемнадцатого года. Сев в «Ниву», полученную два дня назад из ремонта, Маркелов вставил ключ в замок зажигания.

Мамедов, сидевший в ту злополучную ночь, когда на него был совершен наезд, за рулем, чудом остался жив. Он успел в последнее мгновение свернуть на тротуар, спасаясь от мчавшегося прямо на него ЗИЛа-самосвала, и теперь находился в больнице с сотрясением мозга и переломом плеча.

Маркелов повернул ключ и, не давая двигателю прогреться, плавно выехал со двора. Мокрая после дождя дорога отражала свет фонарей и огни рекламы. По Рабочей «Нива» доехала до Вольской, потом свернула на Шевченко. У поворота к дому их нагнал милицейский УАЗик, озаряя пространство синими всполохами. Водитель УАЗика, узнав «кайзеровскую» «Ниву», несколько раз мигнул фарами.

– Хорошо хоть сирену не врубили, – подковырнул ментов Толкушкин.

Обе машины почти одновременно въехали во двор дома сталинской постройки и остановились у углового подъезда. Двери УАЗика распахнулись, и с заднего сиденья выпрыгнули два автоматчика в шлемах и бронежилетах. С переднего сиденья вышел старший лейтенант Силантьев и, указал пистолетом, который держал в руке, в сторону подъезда.

– Третий этаж, квартира двадцать два.

Автоматчики бросились в подъезд. Толкушкин с Маркеловым, поприветствовав лейтенанта, двинулись следом за ним. Силантьев остановился не доходя несколько ступеней до лестничной площадки третьего этажа, а автоматчики – перед металлической дверью, оклеенной пленкой под красное дерево. Один из них, который был повыше, взялся за ручку и, повернув ее, потянул дверь на себя. Другой, выставив вперед оружие, ринулся внутрь.

Подождав, когда оба автоматчика скроются за дверью, лейтенант тоже вошел в квартиру. Толкушкин с Маркеловым, стоя на лестничной площадке между вторым и третьим этажами, наблюдали за действиями тревожной группы.

– Ну что, пошли? – Толкушкин посмотрел на Маркелова и начал неторопливо подниматься.

Просторная вытянутая прихожая до потолка была отделана узкими панелями под бук и освещалась мягким рассеянным светом, льющимся из галогенных светильников, направленных в потолок. По обе стороны высокого зеркала в старинной резной раме висели бра в виде газовых фонарей девятнадцатого века.

– Руками ничего не трогать, – лейтенант выглянул в прихожую.

– Не первый год замужем, – буркнул Маркелов.

У одной стены большой, почти квадратной гостиной, служившей одновременно и спальней, стоял разложенный диван-экспресс. Рядом с новеньким «сони-тринитроном» – пара кресел с причудливо изогнутыми подлокотниками.

Встроенный шкаф-купе. Старинный – громоздкий и немного аляпистый – сервант, на полках за узорчатым стеклом – слабо поблескивающий фарфор и хрусталь. Чуть поодаль – книжный шкаф…

Стены гостиной до уровня подоконника были отделаны темно-коричневым деревом, а выше – зелеными, цвета майской травы, шелковыми обоями. Освещала комнату бронзовая люстра с хрустальными подвесками.

Силантьев с автоматчиками стояли на светло-бежевом ковровом покрытии и смотрели на обнаженное тело молодой женщины, лежавшей на полу. Ее руки и ноги были связаны прозрачным скотчем, полоской такого же скотча был заклеен рот. На месте глаз зияли кровавые провалы.

Все вокруг было забрызгано кровью. Толкушкин, выглянувший из-за спины Маркелова, отпрянул, усиленно борясь с подступившей к горлу тошнотой.

– Валера, – повернулся к нему Маркелов, – сгоняй в ларек, купи чего-нибудь попить.

В другой раз Толкушкин бы начал сопротивляться приказанию старшего товарища, но сейчас безропотно повернулся и вышел.

Лейтенант сел на диван и снял трубку телефона, висевшего на стене.

– Алло, Горохов? Это Силантьев. У меня здесь труп на Шевченко. Я пришлю машину, отправь мне кинолога с собачкой, срочно. И бригаду криминалистов.

Он повесил трубку и снял с пояса рацию.

– Олег, дуй живо в отдел, заберешь там дежурного кинолога и мигом обратно, понял?

– Понял, – прохрипел в ответ голос водителя.

– Снова этот маньяк объявился, – ни к кому конкретно не обращаясь произнес Силантьев, – уже пятое убийство… И везде этот дурацкий знак оставляет.

Маркелов посмотрел на тело, куда указывал палец лейтенанта, и заметил, что на груди у жертвы было вырезано что-то вроде яблока, внутри которого была сделана надпись латинскими буквами.

– Скорее всего, жертва его знала, и в квартиру они вошли вместе, – продолжал лейтенант, – а сигнализация сработала, когда он уходил.

Маркелов подавил приступ зевоты и отвернулся.

– Значит, к нам претензий не будет. Тогда я пойду.

– Иди, – Силантьев посмотрел на высокого автоматчика, – Вова, сходи, разбуди соседей – нам понадобятся понятые.

Попрощавшись с лейтенантом, Вадим направился к выходу и в дверях столкнулся с Толкушкиным, державшим под мышкой двухлитровую бутыль спрайта.

– Пойдем, нам здесь больше делать нечего. К нам претензий быть не может, – добавил он, видя, что Толкушкин удивленно вращает глазами.

Они спустились вниз и сели в машину. Развернувшись на пятачке у подъезда, Маркелов вырулил на дорогу.

* * *

30. месяц – неразборчиво, 1999.

Черт бы побрал эти ремонтные работы! Выключают воду – ни умыться, как говорится, ни подмыться… Что хотят – то и творят! Совдеп хренов!

Но самое главное – нельзя инструменты вымыть… Сполоснул, конечно, из чайника, но разве это дело? Что же мне теперь с собой бидончик прихватывать? Смех – смехом, а придется… Или это предупреждение?

Может, не угоден тебе труд мой, Господи? Или это случайность? Ох, верно, бес меня попутал, если я заговорил о превратностях судьбы, о нечаянностях всяких, забывая о промысле твоем, Господи!

Накажи раба твоего, подай знак… Или это и был знак, только я из-за своей гордыни все еще мню себя твоим избранником?

Нет уж… Просчитывать все надо тщательнее, чтобы не оказаться в дураках даже перед Господом. Учитывать все возможные и невозможные нюансы, вносить в стратегию и прожекты прихотливую динамику жизни… Тактика, тактика…

Жизнь… Разве справедливо, Господи, что даешь ты ее и дурным, и правым равной чашей? Нет, я не встаю с колен, не смотрю на тебя как равный, просто понять силюсь: какой же смысл вкладываешь ты в эту уравниловку?

Ужели дурные, оборотни, волхвы черные достойны видеть творение рук твоих, Боже? А сколько нечисти нынче развелось, сколько кривды и гордыни? И ты спокойно взираешь на это, не поразишь молнией эти Содом и Гоморру?

Знаю, знаю – ты меня призвал к этому, дал мне в надел этот край неправедный, чтобы я очистил его от всякой мрази и гнили!

И она, эта стерва с рыжим лобком и наглыми глазами, – одна из многих, коим еще предстоит суд твой строгий и непредвзятый…

Ух, падла, сопротивляться задумала! Но я-то ей быстренько рот скотчем залепил… В следующий раз осмотрительнее надо быть. А то поиграть задумал…

Тело… Мерзость, непристойность, грех. Дух, дух и еще раз дух! Что тело? – гниющая оболочка… Я освободил ее – выпустил на свободу душу. И полетела она, полетела… Попробуй догони, поймай! А темница – в другой темнице, в крови и пыли.

Наследил, конечно…

Или ты осуждаешь меня, Господи? Вина моя – в истовом служении тебе! Дым стелется над вотчиной твоей, паства твоя – лишившееся пастуха стадо.

Но у тебя есть я, Господи, слуга твой вечный, преданный и терпеливый!

Доллары, Господи?

Ты же знаешь, как слаба плоть человеческая… Нет, не воля, а именно – плоть! Ведь ее питать нужно…

Ты же сам такими создал нас, грешных, но ищущих света!

И я указываю его ближним моим, закрываю им глаза в этой жизни, чтобы они смогли распахнуть их в иной, праведной, вечной…

А для этого мне нужно поддерживать в себе эту проклятую бренную жизнь, дабы не споткнуться, не упасть, не выронить из рук меча, карающего неправых…

* * *

Итак, давайте знакомиться: меня зовут Вершинина Валентина Андреевна. Мои подчиненные, сотрудники отдела безопасности фирмы «Кайзер», которую я возглавляю вот уже три года, между собой называют меня Валандрой. Меня это не только не задевает, но даже нравится.

Составленное из имени и отчества, звучащих довольно банально, это прозвище, как мне кажется, таит в себе некую загадку, аллюзию и намек.

На что?

Для начала скажем, что Валандра запросто рифмуется с «саламандрой». Не слышится ли вам что-то ускользающе-волшебное и сказочное в этом прозвище?

И потом, оно созвучно с именем одного из самых обаятельных героев Булгакова – Воландом.

Только попрошу не путать его с разными там вульгарными «шлендрами», «шлындрами» и более нейтрально-корабельной «полундрой»!

Наша фирма занимается не только производством стальных дверей, установкой сигнализации и контролем за объектами, на которых данная сигнализация установлена. Служба безопасности фирмы «Кайзер» проводит также всякого рода расследования. Таким образом, сотрудники отдела безопасности «Кайзера» осмеливаются полагать себя детективами, каждый раз на практике доказывая себе и окружающим правомочность подобного полагания.

К нам обращаются как простые смертные, так и высокопоставленные чиновники, когда заходит речь о необходимости сохранить их репутацию в неподмоченном состоянии. Видели бы вы, как они тушуются, в какое замешательство, а порой и агрессию впадают, когда в интересах дела приходится расспрашивать их на предмет каких-нибудь деликатных подробностей биографии или отношений с ближними!

За баранкой «Кайзера», погремывая рюмочным хрусталем и утопая в мягких подушках собственных ягодиц, сидит Мещеряков Михаил Анатольевич – мой непосредственный начальник, с которым я на протяжении трех лет веду один и тот же напряженный словесный поединок и который упорно твердит, что это именно он нас кормит.

Он, естественно, возглавляет список сотрудников «Кайзера», с которыми на манер драматурга я и хочу вас познакомить.

Итак, Мещеряков Михаил Анатольевич – бывший сотрудник органов, отдавший не один год своей бурной жизни оперативно-следственному отделу. Умен, хороший организатор, пройдоха, тертый калач. Жадноват, трусоват, фатоват. Основное хобби – вмешиваться в мою личную жизнь, изображая умудренного опытом, заботливого отца.

Деловит, плодовит (в смысле идей), полиглот (в смысле количества спиртного, проглатываемого за единицу времени), чадолюбив, зануден, иногда назойлив до умопомрачения.

Работать с ним можно, особенно когда он сидит у себя в кабинете на втором этаже и не сует свой сизый нос в мои дела. Но такое бывает крайне редко, обычно он всем и вся интересуется, не давая ступить и шагу, чтобы не погрозить своим толстым пальцем из-за угла и не разразиться какой-нибудь «притчей во языцех».

Мамедов Алискер – секретарь-референт, моя правая рука, который сейчас валяется на больничной койке. Дело в том, что пару недель назад Алискер попал в дорожно-транспортное происшествие. Через полтора-два месяца он вернется «в строй», а пока я терпеливо и артистично должна разыгрывать из себя левшу.

Мамедов деловит, подтянут, сообразителен, всегда гладко выбрит, красив, умен, темпераментен на восточный манер, впечатлителен, любвеобилен – ох уж эти женщины, вечно он попадает в какие-то истории из-за них и с ними.

Парень хваткий, настоящий универсал!

Маркелов Вадим – компьютерный маньяк-виртуоз, сосредоточенный на процессорах, мониторах, сайтах, файлах и прочей ерунде и потому рассеянный в обычной жизни. Но это – недостаток всех людей, занимающихся усиленной мозговой деятельностью и в силу природных характеристик склонных к интроверсии.

Приветлив, ироничен, исполнителен, спокоен – иногда до индифферентности.

Толкушкин Валера – писатель-одиночка, маргинал, вольная птичка, настолько вольная, что за те неполных три месяца, которые он трудится в «Кайзере», успел схлопотать выговор. Мой сотоварищ по литературе, первый читатель и критик детективного чтива, выходящего из-под моего пера. Советчик, оппонент и в чем-то – культурный наставник. Зубоскал и насмешник.

Универсал, как и все прочие. Даже его эпизодическое разгильдяйство не может заставить меня расстаться с ним. Ребята считают его моим любимчиком… Конечно, я – за равноправие, но…

Ганке Валентин Валентинович – старший из сотрудников. В прошлом – виртуоз-медвежатник, в настоящем – специалист по замкам, простым и сейфным. Сановит, осанист, пунктуален, обходителен, неизменно корректен и невозмутим.

Отличное чувство юмора и такта. Всегда безукоризненно одет, подстрижен и выбрит. предмет его особой гордости – густые холеные усы, которые от тщательно расчесывает специальной расчесочкой.

Практически никогда не расстается со своим дипломатом, в регулярно аэрируемых отсеках которого покоятся его аккуратно разложенные «хирургические» инструменты. Выходец из семьи поволжских немцев, ведущих свой род из северной Вестфалии, в свою работу он привык вкладывать неспешную основательность и филигранную скрупулезность своего народа.

Чета братцев Антоновых – Александр и Николай.

Сыщики-водолазы, скалолазы. Основное их занятие – добыча информации. Оба прекрасно водят машину, стреляют, препираются с Толкушкиным, который высмеивает их невежественно-прохладное отношение к символико-мистической системе знаний и ассоциаций, за период своего существования в избытке накопленных восточной и западной культурной традицией.

Александр старше брата всего на полчаса, но ужасно горд этим обстоятельством.

Болдырев Сергей – в прошлом – автогонщик, а ныне – водитель кайзеровской «Волги», на которой разъезжает безрукая в данный момент кайзерша, то бишь – я. Крепкий парень, с крестьянской жилкой и трезвым взглядом на жизнь. Прекрасный семьянин. Исполнителен, теплолюбив, обидчив.

Кажется, все. Вообще-то я рада, что мне удалось сколотить такую команду. Каково это – руководить мужчинами? – спросите вы. Пока справляюсь, а там…

Телефонный звонок оторвал Вершинину от записей, она отодвинула тетрадь и поднесла трубку к уху.

– Валентина Андреевна, доброе утро. Это Маркелов. Я не слишком рано?

– Нет, Вадим, я уже давно не сплю. Что-нибудь случилось?

– Нет, то есть да, случилось. У нас дежурство кончается…

– Вадим, что ты мнешься как кисейная барышня, выражайся яснее.

– Сегодня ночью был вызов на Шевченко. С сигнализацией все в порядке, только вот в квартире обнаружили труп. Ну, я и хотел у вас узнать, будем снимать с пульта?

– Оставь пока. В понедельник посмотрим, когда кончается срок действия договора, а там, может, объявятся родственники или наследники. Как фамилия владельца квартиры?

– Маргарита Львовна Трауберг.

– Хорошо, Вадим, до понедельника.

– Всего хорошего, Валентина Андреевна.

Вершинина положила трубку и пошла будить Максима. Подойдя к сыну, она потрепала его по стриженому затылку.

– Макс, вставай, завтрак готов.

– Ну, мам, – недовольно пробормотал Максим, – ты даже в каникулы не даешь выспаться.

– Вот отправлю тебя к бабушке с дедушкой, у них отоспишься.

– Я к ним не поеду, – твердо заявил Максим, сев на постели.

– Это еще почему? – удивилась Вершинина.

– А компьютер…

– О, Господи, – успокоилась она, – я уж подумала, и вправду что-то случилось. Ну, какие проблемы? И железо твое отправим.

– Тогда другое дело, – тут же повеселел Макс.

– Ну, иди умываться. Нам сегодня еще в больницу надо заехать – Алискера проведать.

* * *

Утром в понедельник, как обычно по будням, за Вершининой заехал Болдырев. Он позвонил из машины.

– Жди, Сергей, я скоро, – ответила она и, положив трубку, направилась в ванную.

Вечером приезжал Виктор Ромашов. Привез несколько бутылок красного вина, мяса, фруктов, зелени. Конечно, сегодня она проспала. «Перекушу на работе», – подумала Вершинина. Выйдя из ванной, она выглянула в окно. День обещал быть теплым, поэтому плащ она брать не стала.

Надев туфли, взглянула на свое отражение в зеркале: на нее смотрела высокая эффектная блондинка, короткое каре обрамляло лицо с крупными правильными чертами. «Надо не забыть отправить компьютер Максу», – она улыбнулась зеркалу и вышла из квартиры, заперев за собой дверь.

Болдырев ждал в черной кайзеровской «Волге». Доехали они быстро, но когда Вершинина вошла в свой кабинет, располагавшийся на первом этаже двухэтажного здания, где размещалась администрация фирмы «Кайзер», часы на стене показывали девять тридцать.

Она шагнула было к своему рабочему столу, но увидев, что ее кресло занято, остановилась. В нем, откинувшись на спинку, сидел ее шеф. Его жирные ляжки-окорока с трудом помещались в кресле. Он перевел свой взгляд с часов на Вершинину.

– Да, Валентина. Ты опоздала на полчаса, – укоризненно произнес он, держа в руках полуистлевшую сигарету.

– Могу я раз в году немного задержаться? – с раздражением сказала она. – Между прочим, я еще не завтракала.

Видя, что Мещеряков не собирается освобождать ее место, она подошла к столику с электрочайником и, посмотрев на красный поплавок, щелкнула рычажком.

– Вот если бы ты была замужем, Валентина…

Она не дала ему закончить.

– Если бы я была замужем, я бы опаздывала гораздо чаще: кроме себя и сына мне пришлось бы собирать на работу еще и мужа. И вообще, Миша, когда ты перестанешь читать мне нотации?…

– Не раньше, чем ты выйдешь замуж.

Почему-то он считал себя обязанным устроить личную жизнь Вершининой и постоянно пытался ее знакомить со своими не обремененными узами Гименея друзьями и с друзьями своих друзей, ну и так далее.

– Миша, роль свахи тебе совершенно не идет, – Вершинина достала из холодильника батон и кусок сыра и принялась делать бутерброды.

– Валентина, – Мещеряков вдруг резко сменил тему, – мы потеряли перспективного клиента.

Он имел в виду одного банкира, который трясся над каждой копейкой.

– Твой перспективный клиент зануда и скупердяй, – бросила Вершинина. – Он хочет, чтобы мы работали на него задаром. Я объяснила, что по соотношению цена-качество наши услуги выгоднее, чем у конкурентов, но он и слушать ничего не хотел.

– Не умеем мы работать с клиентом, – гнул свое Мещеряков, – надо учиться.

– Подхалимничать я никогда не научусь, – Вершинина зло посмотрела на шефа.

На эту ее реплику он прореагировал на удивление спокойно.

– Ну зачем же утрировать, я просто говорю, что нужно быть терпимее и мягче, может быть.

– Я была бы терпимее, если бы один зануда не капал мне ежедневно на мозги.

– Что ты имеешь в виду? – и без того красное лицо Мещерякова побагровело.

Чайник закипел и отключился. Вершинина разорвала пакетик с кофе «три в одном» и высыпала его содержимое в чашку.

– Ты мне составишь компанию? – она проигнорировала вопрос шефа.

– Нет! – заорал Мещеряков. – И вообще, какого черта ты так со мной разговариваешь?

– Ну как я с тобой разговариваю, Миша? – Вершинина добавила в чашку воды и начала размешивать дымящийся напиток.

– В общем, так, Валентина, – Мещеряков немного отошел, но дышал все еще тяжело, – или ты перестраиваешься и начинаешь работать по-новому, или…

– Что или? – прервала его Вершинина, – уволишь меня?

– Работай пока, – Мещеряков тяжело поднялся с кресла. – Кстати, что у вас произошло вчера ночью?

Вершинина всегда удивлялась его осведомленности: он мог целыми днями сидеть в своем кабинете или «принимать на грудь», как он выражался, или бродить вроде бы безо всякого дела по коридорам, но всегда был в курсе всего происходящего в «Кайзере» и, в частности, в службе безопасности.

– В квартире на Шевченко обнаружили труп хозяйки, – она откусила кусок бутерброда и сделала маленький глоток кофе, – я сама еще толком не выяснила.

– К нам претензий не будет? – хмуро поинтересовался Мещеряков.

– Нет, с сигнализацией все в порядке, так что не переживай.

– Что значит «не переживай», – снова начал распаляться шеф, меряя кабинет своими большими шагами, – кто же за вас еще будет переживать, если не я, а? Вы, понимаешь, можете себе позволить опоздать на работу, уйти раньше времени домой или по своим делам, попасть в больницу, а я должен все контролировать, учитывать каждую мелочь, следить, чтобы вы не натворили каких-нибудь глупостей. Знаешь, Валентина, каково в наше время руководить такой организацией, как наша? – Мещеряков уставился на Вершинину своими водянистыми глазками.

– Миш, – Вершинина допила остатки кофе и начала убирать со стола, – у меня коньяк есть, не хочешь попробовать?

– Какой еще коньяк? – оторопел Мещеряков, – опять твои грязные намеки?

– Ну какие могут быть намеки? – она направилась к сейфу и, отперев его, достала бутылку «Дербента», – просто мне подарили, а я в коньяках ничего не понимаю.

– Ну-ка дай сюда, – Мещеряков потянулся за бутылкой, – надо попробовать. У тебя рюмки-то есть?

– Рюмки есть, – она заперла сейф и села на свое кресло, которое еще сохранило тепло мещеряковских ягодиц, – только мне еще договора посмотреть надо, вдруг родственники этой Трауберг объявятся.

– А, ну ладно, работай, – Мещеряков направился к двери.

Когда он вышел, Вершинина с облегчением вздохнула. «Хоть покурю спокойно». Из пачки «Кэмела» она достала сигарету, прикурила от «дракоши», из пасти которого вырвалось пламя, и пододвинула к себе «Московский комсомолец», который лежал на столе рядом с телефоном.

На последней странице был напечатан астрологический прогноз на неделю.

«Астрологическое небо конца мая – одно из самых тяжелых за весь год. Тридцатого мая состоится лунное затмение, влияние которого уже ощущалось на протяжении прошедшей недели. Давно замечено, что в период лунного затмения возрастает эмоциональная чувствительность, повышается обидчивость и внушаемость, люди становятся более нервными и раздражительными».

Вершинина не стала читать дальше, а перевела взгляд вправо, где был дан прогноз по знакам зодиака, и нашла Козерога:

«КОЗЕРОГ запросто может лишиться работы, а заодно и хорошей репутации на этой неделе. Об этом вы узнаете уже в первый день недели. Однако все может ограничиться только крупным разговором с начальником».

«Вот и не верь после этого звездам и предсказателям», – подумала Вершинина и, стряхнув пепел с сигареты, стала читать дальше.

«Удержаться на рабочем месте помогут коллеги, которые болеют за вас. Мужчины не должны сейчас слушать советов жены. В отношения с любимым человеком могут вмешаться родители».

Она отложила газету и задумалась. Она уже собиралась встать, чтобы найти на полке договор, как дверь в кабинет приоткрылась, и в образовавшуюся щель заглянул Толкушкин.

– Валентина Андреевна, к вам пришли.

– Кто?

– Лев Трауберг, – таинственно произнес Валера.

– Что ж, зови, – она вздохнула и затушила окурок в пепельнице.

ГЛАВА ВТОРАЯ

* * *

Трауберг был мужчиной среднего роста, с брюшком, немного обрюзгшими чертами лица и огненно-рыжей шевелюрой, озарившей вершининский кабинет похлеще любого солнца. Несколько сединок в густой курчавой копне волос не умаляли их охряного блеска и силы. Крючковатый нос почти касался верхней губы.

«Запоминающаяся внешность», – подумала Вершинина, как только посетитель пересек порог ее кабинета.

Она поздоровалась в ответ на его картавое «здгасьте» и предложила сесть. На Трауберге был строгий темный костюм и ослепительно-белая рубашка. Узел галстука был немного ослаблен. Как-то смущенно поглядев на Валандру, он приземлился в кресло и тяжело задышал.

– У меня к вам дело, – медленно проговорил он так, словно у него спирало дыхание от каждого произносимого им слова.

– Мне доложили о вашем приходе, мы… ждали вас. Нужно решить вопрос с сигнализацией…

– Я, честно говоря, не за этим к вам пришел… Это сущая мелочь… – он беспокойно заерзал на кожаном сиденье, – вы ведь в курсе, что произошло…

– Лев… простите, не знаю вашего отчества, – Вершинина стряхнула пепел.

– Земович, – поспешил сказать гость, часто заморгав.

– Так вот, Лев Земович, для нас эта мелочь имеет определенное значение… Хотя я вас понимаю и очень сочувствую. Но ведь вы сами знаете, что никакие слова соболезнования…

– Спасибо, – сухо поблагодарил Трауберг, едва взглянув на Вершинину.

Было видно, что он с трудом сдерживает свои эмоции.

– Я хочу, – сказал он и закашлялся, – чтобы вы…

– Воды?

– Да, будьте любезны, – с трудом выдавил он, мотая рыжей головой.

Вершинина поднялась с кресла и, подойдя к журнальному столику, налила из высокого графина воды. Она протянула стакан гостю и вернулась на свое место.

– Спасибо, – более проникновенным голосом поблагодарил Трауберг, – я хочу, – повторил он после нескольких глотков, – чтобы вы нашли убийцу моей дочери.

Поставив стакан на стол, в ожидании ответа он сделал скорбное выражение лица и теперь, наклонив голову вперед, смотрел исподлобья.

– Насколько мне известно, речь идет о серийном убийце, о маньяке… – начала было Вершинина.

– Найдите этого подонка! – неожиданно закричал побледневший Трауберг, – я заплачу, – уже более спокойно добавил он.

– Успокойтесь, Лев Земович, попейте еще воды, – Вершинина затушила сигарету в огромной хрустальной пепельнице и откинулась на спинку кресла.

Трауберг сделал несколько лихорадочных глотков и, снова водрузив стакан на стол, некоторое время молчал, собираясь с мыслями.

«Нелегко ему, – сочувственно подумала Вершинина, – а все-таки выражается ясно, четко формулирует». Она почувствовала к посетителю что-то похожее на симпатию.

– Я навел о вас справки, – быстро и неожиданно деловито заговорил он, – на вашем счету нет ни одного не раскрытого убийства…

– Стараемся, – скромно заметила Валандра, пожимая плечами.

– Вы поможете мне? – его голубые глаза, не мигая, смотрели на нее.

– Лев Земович, – мягко обратилась она к Траубергу, – вы не подождете немного, мне надо поговорить с ребятами?

– Конечно, конечно, – Трауберг замотал головой.

– Я скоро приду, – Вершинина направилась к двери.

В дежурке было необычно свежо. Сидя за столом, на котором возвышался пульт, Болдырев ежеминутно, как гончар, выдувал себе на руки все новые порции горячего внутриутробного воздуха, демонстративно растирая их.

– Хватит прикидываться! – язвительно хихикнул Толкушкин, который ломал голову над очередным кроссвордом, – пора радиаторов и прочей дряни миновала.

– Молчи, умник! – огрызнулся Болдырев, – много ты понимаешь!

– Не грусти, Серега, – подхватил Маркелов, – скоро лето! Недельки через две, помяни мое слово, установится настоящая «болдыревская» погодка – сорок градусов в тени, – иронично посмотрев на рыкающего и чертыхающегося Болдырева, Маркелов вновь сосредоточил внимание на мониторе.

– Слышал я, ночка у вас неспокойная…

– Вадим, Валера, – мне надо с вами поговорить, – обратилась к задирам вошедшая в дежурку Валандра.

– О вчерашнем? – проницательно спросил Толкушкин.

– Опишите мне все виденное и слышанное вами в деталях, – что и как. Кажется у нас клиент намечается, догадываетесь, кто?

– Папаша той девушки, которую мы в квартире обнаружили с… – Маркелов замялся.

– Трауберг Лев Земович, прошу любить и жаловать. Ну так что, еще раз, как все было? – Валандра строго посмотрела на ребят.

– Значит так, – взял инициативу Толкушкин, – приехали мы на Шевченко…

* * *

Вернувшись в кабинет, Вершинина застала Трауберга сокрушенным и поникшим. Он тупо смотрел в пол, непрерывно покачивая головой туда-сюда.

– Вам плохо? – обеспокоенно спросила она, вглядываясь в его бледное лицо. – может, еще воды? – Валандра перевела взгляд на пустой стакан, стоявший на столе.

– Пожалуйста, если можно… – произнес он слабым голосом и продолжил бессмысленное движение головой влево-вправо.

Валандра заново наполнила стакан и протянула его Траубергу.

«Воспоминания замучили, при мне-то он еще кое-как сдерживался, а стоило мне уйти – совсем никакой стал!»

Она закурила.

– Может, закурите? – обратилась она к понурому Льву Земовичу.

– Не курю, – отозвался он и, опустошив стакан наполовину, поставил его на стол. – Трудный день, – тоном библейского мудреца произнес Лев Земович.

– Еще бы, – Вершинина сочувственно посмотрела на него.

– Такое горе… – его слабый голос сбился на всхлип, извините…

– Ну что вы, я понимаю.

Вершинина замолчала, давая посетителю время прийти в себя.

– Ну так что, продолжим? – мягко сказала она, заметив, что Трауберг немного приободрился.

– Конечно. Вы согласны мне помочь? – он поднял на Вершинину свои голубые глаза. Она кивнула.

– Лев Земович, как я вам уже сказала, речь идет о серии убийств. Мне очень жаль, что ваша дочь пополнила список жертв этого маньяка… Пятое убийство – один и тот же почерк. Можно только предполагать, где этот подонок знакомился со своими будущими жертвами: на улице, в кафе, в баре, на дискотеке, на рынке…

Ясно одно. У всех этих женщин было что-то общее: во внешности, в манере поведения ли, в разговоре, может быть, какой-либо определенный род деятельности, социальный статус, какие-нибудь психологические особенности, которые маньяк умеет сходу различать. Серийные убийцы – неплохие психологи.

Не исключено, хотя и маловероятно, что убийца входил в круг знакомых всех этих женщин. Необходимо проверить окружение, друзей, знакомых. Мы, вне всякого сомнения, будем еще связываться с милицией, нам нужна информация, чтобы произвести хотя бы предварительный анализ и сделать кое-какие сопоставления…

Зачем я все это вам говорю? – Вершинина в упор посмотрела на Трауберга. Он, казалось, внимательно слушал ее. – Просто хочу подготовить вас к разговору. Вы должны будете искренне отвечать на мои вопросы, какими бы деликатными и щекотливыми они ни были, иначе я не смогу вам помочь, вы меня понимаете?

– Да, да, конечно. – Трауберг крутил в руках авторучку. – Только я хотел бы сначала узнать… – он замялся.

– Спрашивайте, не стесняйтесь, – любезно сказала она, туша сигарету в пепельнице и морщась от дыма.

– В какую сумму мне обойдется расследование? – выдавил из себя Трауберг, как-то вкрадчиво заглядывая Вершининой в глаза.

– Какими будут дополнительные расходы, я вам точно сказать не могу, а насчет премии за раскрытое убийство… – Валандра на минуту задумалась, краем глаза наблюдая за Львом Земовичем. Он прямо-таки сгорал от нетерпения. Наконец, не в силах сидеть без движения, он вынул из кармана пиджака безупречной чистоты клетчатый носовой платок и промокнул испарину, выступившую на лбу.

– Пять тысяч долларов, – отрезала Вершинина.

– Пять тысяч?! – словно не веря своим ушам, тупо переспросил Трауберг.

– Вы считаете, что это много? – усмехнулась Валандра.

– Согласитесь, сумма солидная, – Трауберг замотал головой.

«Прямо-таки ритуальное движение», – иронично подумала Вершинина.

– Солидная, – согласилась она, – но во-первых, это только при условии, что убийство будет раскрыто, а во-вторых, одному Богу известно, чем придется заниматься моим ребятам, как им придется рисковать… Да и вообще, из этой суммы каждому сотруднику перепадет долларов триста пятьдесят-четыреста, а по нынешнем временам…

– Так ведь и четыреста долларов – сумма приличная! – упорствовал Трауберг.

– Как сказать… – Вершинина закурила уже третью сигарету.

– А дешевле никак не получится? – юродивым тоном спросил Трауберг.

– Боюсь, что нет, – невозмутимо ответила Вершинина.

– Вы ведь понимаете, что значит для отца…

– Понимаю и очень вам сочувствую, но не могут же мои люди работать бесплатно? – уже резко возразила она.

«Вот ведь как получается: торгуемся над трупом девушки… Пошлю его куда подальше. Еще к состраданию меня призывает, намекая на то, что я хочу копейку заработать на его отцовском горе».

– Может, у вас нет такой суммы? – полюбопытствовала она, мысленно уже простившись с Траубергом, но памятуя о наказе своего шефа по поводу умения разговаривать с клиентом.

– Дело не в этом, – окончательно разочаровал ее Лев Земович, – деньги у меня есть, но я принципиально против.

Тон его голоса стал назидательно-раздраженным.

«Ну Шейлок, не иначе… Наверно, сидел тут, прикидывал, в какую сумму обойдется ему все предприятие. Может, и его подавленное состояние, в котором я его застала, вернувшись из дежурки, объясняется тяжкими раздумьями на этот предмет? – довольно цинично заключила она, – А все-таки интересное существо – человек!»

Последняя реплика, обращенная не то к себе, не то к столь почитаемому ей Ларошфуко, портрет которого висел над журнальным столиком, была приправлена уже здоровой дозой оптимизма.

– Лев Земович, простите, где вы работаете?

– У меня два ювелирных магазина.

– Значит, пять тысяч – для вас не проблема?

– Но вы же еще говорили о накладных расходах… – осторожно заметил Трауберг, потирая вспотевшие ладони.

– Говорила, но поверьте, я не прибавлю ни цента…

– Дело не в этом, я вполне вам доверяю, но… Не могли бы мы, скажем, остановиться на трех тысячах? – Трауберг часто заморгал.

– Не хотелось бы вас разочаровывать, но на трех тысячах мы не поладим, – отчеканила Валандра.

«Господи, надо же быть таким упертым!»

– Ладно, – неожиданно согласившись, махнул рукой Трауберг. – Пять так пять!

– И накладные расходы, – напомнила Вершинина.

– Само собой, – снова проявил сговорчивость Трауберг.

– Хорошо, тогда приступим.

Покончив с внутренней борьбой, Трауберг как-то просветлел и преобразился. Он даже повеселел. Его лицо, которое минуту назад сводило точно судорогой, разгладилось и порозовело.

– Ваша дочь жила с вами?

Трауберг опять закашлялся.

– Нет, у нее была своя квартира, в ней-то как раз… – он замолчал и опять принялся за прочистку горла.

– Понятно, – протянула нахмурившемуся Траубергу руку помощи Валандра. – Вы часто виделись с Маргаритой?

– Я живу с другой семьей уже двадцать лет. С матерью Маргариты я разошелся, когда ей было четырнадцать лет.

– Значит, ей было тридцать четыре?

– Да, седьмого апреля исполнилось. – Трауберг опять погрустнел. – Она умерла…

– Я знаю, – не поняла Валандра, кого Лев Земович имеет в виду.

– Я говорю о Кларе, матери Маргариты. – пояснил он. – Я, конечно, помогал им, но с Маргаритой мы виделись не часто… – Трауберг опять захрипел и потянулся за стаканом с водой.

– Может, кофе?

– Спасибо, не откажусь, – гость осушил стакан.

Вершинина подняла трубку с рычага одного из трех стоящих перед ней телефонных аппаратов и набрала трехзначный номер.

– Валера, – сказала она в трубку, – зайди, пожалуйста, на минутку.

Валандра нажала на рычаг и, продолжая прерванный разговор, обратилась к посетителю:

– Лев Земович, вы сказали, что давно живете с другой семьей. Кроме Маргариты дети у вас еще есть?

– Сын, Марк. Он учится в университете, мечтает уехать в Америку. – Трауберг невесело усмехнулся.

– А вы что же, против? – полюбопытствовала Вершинина.

– Конечно! Если ты еврей и у тебя есть возможность вернуться на историческую родину, то негоже предпочитать ей страну ушлых и малокультурных янки. Или оставайся на земле, которая тебя взрастила, или – возвращайся на родину! – торжественно произнес Трауберг. Его глаза горели одновременно праведным негодованием и гордостью за свой маленький, но избранный народ.

«Кредо так кредо!» – иронично заметила про себя Валандра.

На пороге кабинета возник Толкушкин.

– Валентина Андреевна… – раскрыл он было рот.

– Валера, организуй-ка нам со Львом Земовичем кофе.

– В один миг! – бодро отозвался Валера и, включив электрочайник, отправился мыть чашки.

– А где работала Маргарита?

– Преподавала историю в лицее, знаете, тот, новый, на Мальцева.

– Да, да, шикарное здание. А она поддерживала отношения с братом?

– Виделись они не часто, да я, откровенно говоря, не поощрял даже их эпизодических встреч. Сами понимаете, – Трауберг натолкнулся на полный недоумения взор Валандры, – взаимные претензии, зависть, размолвки…

– Со стороны Маргариты, это понятно, но Марку-то что было завидовать, ведь вы жили с ним?

– Я помогал Маргарите, я имею в виду материально… Вы же знаете, как эгоистичны дети, привыкшие к привилегированному положению в семье. Я говорю о тех, у кого нет ни брата, ни сестры, – пояснил Трауберг.

– То есть вы хотите сказать, что Марк – именно такой ребенок? Но ведь он знал о существовании сестры.

– Тем более, – оживился Трауберг, видно, не желая упустить случая поговорить на жизненно важную для него тему. – Маргарита – моя первая дочь, и Марк, привыкший к повышенному вниманию, мне кажется, неуютно себя чувствовал, когда речь заходила о его сестре.

Вошел Толкушкин. Вода уже закипела. Он высыпал содержимое двух пакетиков «три в одном» в чашки и залил кипятком.

– Спасибо, Валера, – поблагодарила его Валандра, когда он поставил чашки на стол.

– Это все? – Толкушкин вопросительно посмотрел на свою начальницу.

– Да, можешь идти.

Толкушкин направился к двери.

– Вы хотите сказать, что Маргарита теоретически и практически была как бы лишена дочерних и сестринских прав, но в сознании брата пребывала как постоянный намек, упрек в свой собственный адрес и даже как скрытая угроза? Именно поэтому вы не поощряли их отношений? – снова обратилась Валандра ко Льву Земовичу.

– Да. Мне кажется, что у Марка всегда было какое-то чувство вины, от которого он хотел избавиться. – Трауберг беспокойно заморгал, – хотя, может, я преувеличиваю…

– Значит, вы говорите, что Марк практически не общался с Маргаритой?

– Можно сказать, что так. – Трауберг потупился. – Я считал, что так будет лучше для них обоих. Меньше раздражения, меньше обид…

– А с кем общалась Маргарита на работе? Может, вы знаете каких-нибудь ее подруг, друзей, знакомых? – Вершинина сделала осторожный глоток кофе.

– Точно я вам сказать не могу. Наверное, с учителями общалась, с коллегами… У меня ведь с дочерью не было особо теплых, доверительных отношений, хотя она была мне дорога. – Трауберг закашлялся.

– Может, она все-таки говорила вам о каких-то конкретных людях?

– Знаю, что она была дружна с преподавателем математики – Людмилой. Отчество ее мне не известно… Та при мне несколько раз звонила Маргарите домой…

– А еще? Дворовые друзья, подруги…

– Да нет. В детстве, может быть, такие и были. Вообще-то Марго была довольно скрытной, вечно, как ее мать мне говорила, копалась в себе. В подростковом возрасте, а наш развод с Кларой пришелся как раз на этот трудный и ответственный период. Маргарита не была неуемной и раздражительной, как другие дети. Она ни в чем нам не противоречила, да и к разводу отнеслась на удивление спокойно. Хотя мы с Кларой насчет этого не обольщались.

– То есть?

– Были почти уверены, что она переживает в душе, только вида не показывает.

– Этакая пай-девочка?

– Не то чтоб уж совсем мы не знали с ней хлопот, но по сравнению с другими детьми Марго была послушным ребенком. Правда, потом Клара начала мне жаловаться на нее. В двадцать один Марго влюбилась в какого-то разгильдяя, учившегося на инязе, стала нервной, нетерпимой, начала противоречить и даже из дома несколько раз уходила. Когда я пробовал вмешиваться, она меня не слушала, смотрела на меня как на пустое место… Хотя Марк в этом плане свою сестру переплюнул.

– Что, совсем не слушается?

– Вбил себе в голову эту Америку – никакого сладу с ним нет! Машину он все просил у меня… Так я ему не купил – вдруг продаст, да и рванет в свою Америку, никому ничего не сказав, кто его знает? – Трауберг хитро прищурился. – Я ведь ему ни в чем не отказываю. Когда сам за границей бываю, покупаю ему и одежду, и технику… Но денег в руки не даю. Вот он и бесится, все грозится уйти из дома. Я ему говорю: Марк, сейчас не времена хиппи, и в родне у нас привыкли к приличиям… Ох, не знаю, что с ним дальше делать буду. – Трауберг снова вынул платок и промокнул лоб.

– А что же стало с тем, как вы выразились, разгильдяем, в которого влюбилась Маргарита? – поинтересовалась Валандра.

– В Англию по окончании университета свалил. Английский-то он знал, видать, не плохо, если ему там стажировку предложили…

– А что же Маргарита?

– Да как-то поостыла она к нему, разочаровалась… Он ей здорово досаждал своими похождениями да пьянками. Потом он, правда, завязал, за ум взялся. Ой, да все равно ничего путного у них бы не вышло. У нас есть одно негласное правило: выходить замуж только за своего.

– И сколько длилось Маргаритино увлечение?

– Два года, хотя точно сказать не могу. Андрей ведь ей из Англии писал, приглашал, но Марго отказалась ехать к нему да и вообще вскоре перестала на его письма отвечать. А однажды, когда он позвонил (она сама мне об этом сказала в порыве откровения), повесила трубку в середине разговора.

– Она не жаловалась на свою работу?

– Да нет, даже наоборот – ей она очень нравилась! Она все методы какие-то новые внедряла, всерьез поговаривала о научной карьере. Она ведь после учебы на истфаке в аспирантуру поступила, но потом бросила. А недавно опять решила попробовать свои силы в науке. Вот только… – Трауберг закрыл лица руками.

– Успокойтесь, – сказала Вершинина, чувствуя себя полной дурой: о каком покое могла идти речь, когда твой ребенок погиб?…

– Извините, – Трауберг хлебнул полуостывший кофе и отрешенно уставился в окно – там, на синеве неба, курчавилась и росла густая облачная пена. – Сегодня дождь обещали, – тихо проговорил он, точно на эту мысль о дожде делал ставку как на лекарство от душевной муки.

«Его гнетет еще и то, что он не особенно много уделял внимания дочери», – проницательно подытожила Вершинина.

– Вы не знаете, в последнее время она с кем-нибудь встречалась? Я имею в виду отношения с противоположным полом.

– Не зн-а-ю, – протянул Трауберг, все еще находясь во власти своих невеселых дум. – В последнее время мы виделись с ней реже, чем когда-либо.

– А когда умерла мать Маргариты?

– Семь лет назад от рака.

– И с тех пор Маргарита жила одна?

– Одна. Может, у нее и были какие-нибудь временные связи, но мне об этом ничего не известно. Правда, один раз я встретился у нее с одним парнем, который, кстати, у меня тоже доверия не вызвал.

– Она представила вам его?

– Его звали Виталием, они познакомились в кафе…

– И чем же он вам не понравился? – полюбопытствовала Валандра, покончив с кофе и закурив.

– Вертлявый какой-то, подвижный чрезмерно и болтал без умолку. Но не дурак, – авторитетно заявил Лев Земович.

– Маргарита часто посещала кафе?

– Нет, не думаю – она была занятым, серьезным человеком. Но отдохнуть-то никому не возбраняется.

– А ваша дочь не собиралась уехать, например, в Израиль?

– Да нет, – неуверенно пожал плечами Трауберг, – ей и здесь жилось неплохо. Я регулярно снабжал ее деньгами, у нее были хорошие перспективы, работа ей нравилась…

– Ясно, – Вершинина глубоко затянулась. – А где еще бывала Маргарита?

– В библиотеках, в кино она не ходила – у нее дома была собрана отличная фильмотека.

– А чем Маргарита интересовалась кроме работы?

– Книгами, музыкой. Она посещала консерваторию, филармонию, старалась не пропустить ни одного концерта классической музыки. Ходила в театр, но не так часто, как на концерты.

– Вы не задавали Маргарите вопрос: почему она все еще не замужем?

– Задавал, даже пробовал знакомить с сыновьями своих друзей.

Вершинина подумала о тех же усилиях, предпринимаемых Мещеряковым.

– Она сознательно не выходила замуж?

– Маргарита говорила, что рутина семейной жизни – не для нее. Мне кажется, ее вполне устраивали свободные отношения. Хотя, кто знает, может быть позднее… Да какое это имеет теперь значение?

– В квартире ничего не пропало?

– Пропала крупная сумма денег. – Трауберг поморщился как от зубной боли. – Три тысячи пятьсот долларов.

– Вы так уверенно называете сумму…

– Эти деньги дал Маргарите я. Она собиралась поехать летом в Англию.

– К своему давнему приятелю?

– Может, и так. Хотя она говорила, что Англия – не единственная страна, которую она хочет посетить. Шенгенская виза стоит двести долларов, остальные деньги нужны были непосредственно на то, чтобы оплатить дорогу, проживание и всякие приятные мелочи.

– Кто-нибудь кроме вас и Маргариты знал об этом?

– Нет. В этом я абсолютно уверен. Хотя… может быть, она с кем-то поделилась… И все-таки – это не в ее характере. Но я не пойму, вы же сказали, что преступление – дело рук маньяка… Разве маньяки крадут деньги? – он вопросительно воззрился на Вершинину.

– Значит, крадут, если деньги исчезли. Маньяки тоже разные бывают… Лев Земович, – решила сменить она тему, – я конечно, понимаю, что вы не были посвящены во все подробности взрослой жизни вашей дочери, но все-таки попытайтесь вспомнить, может быть, Маргарита еще говорила вам о каких-нибудь друзьях и знакомых? Сыновья ваших друзей, например. Вы точно знаете, что она ни с кем из них не захотела встречаться?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

* * *

Через полчаса после того, как за Траубергом закрылась дверь кабинета, Вершинина по внутреннему телефону пригласила в кабинет Толкушкина и Маркелова и в очередной раз пожалела, что Алискер попал в больницу: обычно она ставила перед ним задачу, а он уже распределял обязанности между сотрудниками. Теперь же приходилось все им разжевывать самой.

Она уже собиралась передать обязанности Мамедова кому-то из оставшейся пятерки, но потом, мысленно перебрав их всех, решила, что лучше справится с этим сама. «Действительно, как без руки», – подумала она, закуривая очередную сигарету: диалог с Траубергом отнял много сил.

– Так вот, ребята, – начала она без особых предисловий, когда Вадим с Валерой устроились в креслах рядом с ее столом, – наша задача – найти убийцу Маргариты Трауберг. Так как вы видели место убийства собственными глазами, вы и начнете. Если понадобится помощь – подключим остальных.

– Это же маньяк, Валентина Андреевна, – лицо Маркелова стало серьезным, – его милиция уже почти полгода ищет.

– Ты хочешь сказать, что его невозможно найти? – Вершинина слегка наклонила голову, глядя ему в глаза.

– Не то чтобы нельзя, – неуверенно произнес Маркелов, но потом решил обратить свое сомнение в шутку, – но наверное, это сделать будет не просто.

– Никто и не говорит, что это будет просто, – улыбнулась Вершинина, – но мы ведь не ждем манны небесной. Будем работать – никуда он от нас не денется. Начнем с определения круга ее знакомых, соседей, сослуживцев. Кстати, работала она в лицее на улице Мальцева. Я думаю, этим займется Маркелов. А ты, – она перевела взгляд на Толкушкина, – сходи к Траубергу, возьми фотографию дочери и проверь ближайшие к ее дому кафе, может, кто из обслуги узнает ее.

Вершинина протянула Валере визитную карточку Льва Земовича.

– Шансы, конечно, невелики, – продолжила она, – но сейчас мы и такую возможность не можем сбрасывать со счетов. Если кто-то ее опознает, выясни, с кем ее там видели.

– Да уж, задачка, – Валера взял визитку и почесал затылок. На столе требовательно зазвонил внутренний телефон.

– Слушаю, Михаил Анатольевич, – при подчиненных она всегда обращалась к шефу по имени-отчеству.

– Валентина, – голос Мещерякова звучал намного мягче, чем во время утренней проповеди, – поднимись ко мне, будь добра.

– Хорошо, сейчас буду.

Она опустила трубку и посмотрела на Толкушкина с Маркеловым.

– Вопросы есть?

– Вроде, нет, – за обоих ответил Вадим.

– Тогда – вперед, – скомандовала Валандра, поднимаясь, – меня шеф вызывает. Если будут какие заминки, сразу звоните мне. Или сюда, или в машину, или на сотовый. Удачи вам.

– Спасибо, – они вышли.

Вершинина поправила перед зеркалом прическу и направилась к Мещерякову. Он сидел за столом, на котором стояла початая бутылка «Дербента», крохотное блюдце с тонко нарезанными дольками лимона и два пузатых бокала, один из которых был пустым.

– Дегустируешь? – с улыбкой спросила Вершинина.

Она прошла по мягкому ковру и села в кресло, изящным движением закинув ногу на ногу.

– Ага, – кивнул Мещеряков, – неплохой коньяк. Давай по маленькой, – он плеснул из бутылки в порожний бокал и придвинул его Вершининой.

– Ты что, для этого меня пригласил?

Сперва она хотела отказаться, но потом, решив, что глоток коньяка ей не помешает, взяла бокал в руки.

– Не только, – ответил Мещеряков, – давай за успешное расследование…

– Какое расследование? – сделала удивленное лицо Вершинина.

– Я видел, как от тебя выходил этот рыжий еврей, – объяснил Мещеряков.

– Черт бы тебя побрал, Миша, – усмехнулась Валандра, – я уж подумала было, что ты в моем кабинете установил скрытую камеру.

Довольный Мещеряков выпил коньяк и положил на язык дольку лимона.

– Ну, рассказывай.

– Да пока, собственно, нечего рассказывать, – она тоже сделала глоток из своего бокала, – только договор заключили.

– И сколько же ты с него срубила? – в первую очередь Мещерякова интересовала финансовая сторона дела.

– Пять тысяч, плюс накладные расходы. Двадцать процентов аванс, – сухо отчиталась Вершинина.

– Молодец, Валентина, – он плеснул себе еще коньяка, – можешь ведь, если захочешь.

Она не поддалась его веселому настроению и сделала еще глоток из бокала.

– Собственно, я сама собиралась к тебе зайти.

– Да, а что такое?

– У тебя ведь есть приятели в прокуратуре…

– Есть, ну и что?

– Маргарита Львовна, предположительно, погибла от руки маньяка. Ты читал, наверное, об этом у нас все газеты писали. Похоже, что это его пятое убийство.

– Вот в чем дело, – присвистнул Мещеряков, несколько ошарашенный этим заявлением, – ну, а при чем здесь прокуратура? Ты что, хочешь ознакомиться с материалами дела? – Он отрицательно покачал головой. – Ничего не получится.

– Да не нужны мне материалы, – Вершинина досадливо поморщилась, – можешь ты мне хотя бы фотографии достать?

– Фотографии жертв?

Она кивнула.

– Ну это-то еще можно попробовать, – неуверенно произнес Мещеряков.

– Так попробуй, Миша, – она твердо посмотрела ему в глаза, – и чем скорее, тем лучше.

– Скорее, скорее, – недовольно пробурчал шеф, но потянулся к телефонному аппарату.

Пока он пытался дозвониться, Вершинина встала и с бокалом, на дне которого еще плескались остатки коньяка, подошла к окну. Солнце светило вовсю, как бы наверстывая упущенное время. Тополиный пух, подгоняемый порывами ветра, создавал иллюзию снегопада. Каким-то непостижимым образом пух проникал даже сквозь плотно закрытые окна и одинокими снежинками кружил по кабинету, носимый потоком свежего воздуха из кондиционера.

Она допила, наконец, коньяк, приятным теплом разлившийся по телу и, подойдя к столу, опустилась в кресло. Мещеряков закрыл трубку ладонью и поднял на нее глаза.

– Кто там из твоих сможет забрать фотографии?

– Коля Антонов.

Мещеряков снова прижал трубку к уху.

– Запиши, Семен, придет Антонов Николай. Ну хорошо, с меня причитается. До встречи.

Он опустил трубку и вздохнул с таким облегчением, словно с плеч его свалился чугунный слиток весом не меньше тонны.

– Завтра к часу дня все будет готово, – выдохнул он.

– А быстрее нельзя?

– Это тебе на фотостудия «Кодак», а прокуратура, черт побери, – выругался он. – Скажи спасибо, что не через неделю, а завтра. Пакет будет у дежурного на

фамилию Антонова. Пусть возьмет с собой паспорт.

– Спасибо, – поблагодарила Вершинина и встала, – если у тебя все, я пойду, мне надо работать.

– Может, еще по одной? – предложил Мещеряков.

– Извини, Миша, в другой раз.

– Ну и правильно, – он кивнул головой и взялся за бутылку.

* * *

Как определить, что движет убийцей? Какие мысли, чувства кроются в его сознании и в подсознании? Что им движет? Чувство вины? Мести? Какие-то нереализованные желания? Может быть. Для этого надо иметь хотя бы какую-то информацию. А что у меня имеется на настоящий момент? Практически ничего. Хотя почему – ничего? Известно, что преступник был знаком с жертвами, во всяком случае с Маргаритой Трауберг, или проник в ее квартиру хитростью. Но это уж очень неправдоподобно. Наверняка, она бы не впустила к себе незнакомого человека. Кстати, можно ведь посмотреть, когда она открывала дверь последний раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/nikol-skaya_natal-ya/pyataya-zhertva

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить